

«И ВСЕ НЕ УМОЛКАЕТ ВО МНЕ ВОЙНА, СОТРЯСАЯ УСТАЛУЮ ДУШУ»: К 100-ЛЕТИЮ В. П. АСТАФЬЕВА

УДК 821.161.1-31(Астафьев В. П.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-27-35. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА ЗВЕЗДА В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА

Цветова Н. С.

Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>
SPIN-код: 9853-4381

А н н о т а ц и я . Статья посвящена творческой эволюции выдающегося прозаика второй половины XX века В. Астафьева (1924–2001). Предметом исследования является текстовая репрезентация художественного концепта *звезда* в ранней повести «Звездопад». Цель автора – выявление специфики воплощения этого концепта в соотнесенности с доминантным для создаваемого в течение всей жизни сверттекста писателя топосом *света*. Аналитический подход создавался в русле концептологии. В качестве ключевого использовался термин «художественный концепт», который является обозначением наиболее эффективного инструмента реализации литературоведческого варианта концептологического анализа художественного текста, базирующиеся на теории лингвостилистического анализа, разработанной В. В. Виноградовым; идея К. Юнга о зависимости индивидуально-авторской картины мира от опыта предшествующих поколений; принципы «обратного историзма» и «археологии гуманитарных наук», разработанные М. Фуко. Основной вывод: проанализированный материал позволяет говорить о том, что уже в ранних произведениях В. Астафьева художественный концепт *звезда* находится в ассоциативном поле, ядром которого является топос *света*. Динамика смыслового наполнения концепта в повести «Звездопад» отражает направление творческой эволюции писателя в период, который определяется в первую очередь открытым пульсированием родовой и общенациональной памяти. Позже, во время создания последних вариантов «сокровенной повести» «Пастух и пастушка» и «попытки исповеди» «Из тихого света», на формирование художественной философии писателя оказывают решающее влияние трагические события последних лет его жизни, достаточно активное стремление ближайшего окружения развивать православное мировосприятие, мироощущение, коренные изменения, происходящие в общественном сознании. Так и незавершенная «попытка исповеди» свидетельствует, что по многим причинам Астафьеву так и не удалось в конце жизненного пути приблизиться к обретению Благодати. Полученные результаты могут использоваться в процессе подготовки современного академического и школьного курсов «История русской литературы XX века», важны для создания современной историко-литературной концепции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Астафьев; ранняя проза; художественный концепт; звезда; звездопад; свет

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Цветова, Н. С. Динамика художественного концепта *звезда* в прозе В. Астафьева / Н. С. Цветова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 27–35. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-27-35.

THE DYNAMICS OF THE ARTISTIC CONCEPT OF THE STAR IN V. ASTAFIEV'S PROSE

Natalia S. Tsvetova

Saint Petersburg State University
F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>

A b s t r a c t . The article deals with the creative evolution of the outstanding prose writer of the second half of the twentieth century V. Astafiev (1924–2001). The object of the study covers textual representation of the artistic concept of the star in Astafiev's early novella "Starfall". The author's aim is to identify the specificity of the use of this concept in relation to the dominant topos of light for the writer's supertext created throughout his life. The current analytical approach was created in line with the theory of conceptualology. The term "artistic concept", which correlates with the most effective tools for realization of the literary criticism variants of conceptual analysis of a fiction text, was used as a key one. When creating the analytical methodology, the author takes into account the modern principles of interpretation of a literary text based on the theory of linguistic stylistic analysis developed by V. V. Vinogradov, Jung's idea of the dependence of an individual author's worldview on the experience of previous generations, and the principles of "reverse historicism" and "archaeology of the humanities" developed by M. Foucault. The study concludes that the

material under analysis suggests that the artistic concept of the star is located in the associative field, the core of which is made up by the topos of *light*, even in the early works of Astafiev. The dynamics of the semantic content of the concept in the novella “Starfall” reflects the nature of the writer’s creative evolution in the period, determined primarily by the open pulsation of ancestral and national memory. In the later period, during the creation of the last versions of the “secret story” “The Shepherd and the Shepherdess” and an attempt at confession in “From the Quiet Light”, the formation of the writer’s artistic philosophy is influenced by the tragic events of the last years of his life, by the active desire of his inner circle to develop the Orthodox worldview and world perception and by radical changes taking place in the public consciousness. The unfinished “attempt at confession” also testifies to the fact that for many reasons Astafiev did not manage to get closer to finding Grace at the end of his life. The results obtained can be employed in the modern academic higher and secondary school courses “The History of Russian Literature of the Twentieth Century”, and might be useful for creating a modern historico-literary conception.

Key words: Astafiev; early prose; artistic concept; star; starfall; light

Acknowledgements: The study has been carried out with financial support of the grant of the Russian Science Foundation No 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

For citation: Tsvetova, N. S. (2024). The Dynamics of the Artistic Concept of *The Star* in V. Astafiev’s Prose. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 2, pp. 27–35. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-2-27-35.

Введение

Юбилейная дата активизировала работу специалистов по выявлению творческой индивидуальности одного из наиболее значительных писателей прошлого столетия – В. Астафьева (1924–2001). Однако актуальность исследования «звездного» компонента смысловой структуры прозаических текстов писателя, в биографии которого отразились ключевые моменты насыщенной литературными событиями исторической эпохи, в большей степени обусловлена возрастающим исследовательским вниманием к законам эволюции художника.

Сразу после ухода Астафьева средства массовой информации широко растиражировали строчки завещания: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочно-го»¹. Это признание было расценено литературной критикой как знак безвозвратного исчезновения воли к постижению огромного природного пространства, веками определявшего смысл и способ существования человека. Но Астафьев относится к разряду художников, публицистические высказывания которых нельзя рассматривать как прямой, исчерпывающий комментарий к созданной ими картине мира. За этими высказываниями, с одной стороны, – конкретные факты и события его собственной биографии, влияние исторического и литературного контекста, с другой – художественный мир, равный вечности, пространственно беспредельный, представленный эпохальной, аксиологически значимой топикой, отражавшей астафьевское восприятие жизни как бесконечной схватки света и тьмы. Именно эти топосы стали ключевыми репрезентантами художественной философии писателя, получившими на разных этапах его творческой эволюции разное концептуальное воплощение.

Теоретические основания исследования

В последние годы концептосфера прозы Астафьева привлекает особое внимание исследователей. Самый значительный поток научных публикаций – работы лингвистов, посвященные способам актуа-

лизации концептов «Смерть», «Жизнь», «Вода», «Путь», «Страх», «любовь», «жестокость», «приспособленчество», «самопожертвование», «Рыбалка» в разных произведениях В. П. Астафьева: в цикле «Затеси», в романе «Прокляты и убиты», в повести «Так хочется жить» и т. д. Лингвисты, культурологи пишут не только о концептах культуры, но и о концептах эмоциональных [Матанцева, Парфенова 2016], социальных [Михайлушкина 2015]. Большинство исследователей концептосферы выходят на проблему идиостиля писателя [Бобкова 2007; Ревенко 2008; Осипова 2009] или размышляют о созданной им художественной картине мира [Осипова 2012, 2013; Пименова, Бакирова 2015; Желтухина, Михайлушкина 2016]. Наша работа также выполнена в русле современной концептологии [Колесов 2019]. Однако исследование текстовой презентации одного из ключевых концептов направлено в конечном итоге на постижение художественной философии писателя [Пирогова 2011; Бакирова, Пименова 2020; Магомедов 2023].

Художественный концепт *звезда*, как известно, интересно и значительно представлен прежде всего в русской поэзии. На особенности его презентации в прозе XX века впервые обратила внимание А. Ю. Большакова [Большакова 2022]. В отличие от концепта культуры, существующего, по замечанию Ю. Степанова, «над индивидуальными употреблениями» [Степанов 1997: 21], от сугубо технологического лингвистического концепта, в художественном концепте доминируют «индивидуально-авторские семантические компоненты» [Миллер 2004: 164], содержащие чаще всего имплицитную информацию «эстетического и общекультурного характера» [Красовская 2009: 21]. Восстановление этой информации требует обращения к создаваемому писателем в течение всей творческой биографии сверхтексту, к литературному дискурсу определенной эпохи, национальной литературной традиции.

Художественный концепт, наряду с мотивом, образом и т. д., является одним из наиболее распространенных средств предьявления в литературном сверхтексте топоса, если понимать топос как ментальную единицу, устойчивую структурно-смысловую модель [Цветова 2012].

Наша цель – выявление специфики воплоще-

1 Курбатов В. Виктор Астафьев: завещание // Литературная газета. 2003. 11–17 июня. С. 7.

ния в ранней повести «Звездопад» художественного концепта *звезда*, презентующего базовый для В. Астафьева топос *света*, как ключевого проявления «образа художественного мышления» (И. И. Плеханова).

При создании аналитической методики были учтены современные принципы интерпретации художественного текста, базирующиеся на концепции лингвостилистического анализа, разработанной В. В. Виноградовым; идея К. Юнга о зависимости индивидуально-авторской картины мира от опыта предшествующих поколений; принципы «обратного историзма» и «археологии гуманитарных наук», разработанные М. Фуко, заставившего размышлять над культурно-историческими предпосылками явлений истории литературы, предостерегавшего от приписывания этим явлениям тех свойств или атрибутов, которые к ним исторически не могут иметь отношения.

Историко-литературный контекст

Образ звезды, как известно, появился в отечественной поэзии в эпоху М. В. Ломоносова, создателя ставших хрестоматийными «Вечерних размышлений о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743). Далее образ в значительной степени трансформировался в лирике А. С. Пушкина (*рассветная, путеводная звезда, звезда пленительного счастья, равнодушные звезды*). Звезды были погружены в сложнейшее ассоциативное поле в стихах М. Ю. Лермонтова – самого «звездного» русского поэта. Более поздний перечислительный ряд может быть весьма внушительным: К. Батюшков, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, И. Никитин, А. Н. Апухтин, Я. Полонский, А. Н. Толстой, А. Фет, Н. А. Некрасов, И. А. Бунин, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров... Кроме классики «золотого века», в этот ряд могут быть включены многие произведения литературных патриархов советского времени: от М. Горького, Д. Бедного, А. Твардовского до В. Саянова, А. Прокофьева, К. Паустовского, В. Катаева, С. Смирнова, М. Дудина, Д. Кедрина, Ю. Бондарева, П. Антокольского.

«Звездное» собрание русской литературы великолепно. Но огромный, предельно разнообразный материал препятствует систематизации представлений о структуре ключевого образа. Хотя, если смириться с определенными допущениями, то можно признать отмеченные исследователями наиболее очевидные, бесспорные тенденции. Во-первых, из литературного сознания с течением времени уходило представление о небесном пространстве как пространстве вечной гармонии, обеспеченной высшими силами. Доминирование смертности над эсхатологией привело к исходу из соответствующего ассоциативного пространства ангельских образов. Кто-то из критиков назвал это явление «атеистической пустотой неба». Во-вторых, до сей поры поэты и прозаики одушевляют звезды, но уже не обожествляют их, хотя продолжают соотносить с человеческими судьбами, взлетами и падениями. Также все реже и реже звезда соотносится с женским началом, хотя в ассоциативном поле любви все же остается.

В-третьих, сегодня антропоцентричная метафора «звезда» агрессивно захватывает публичное коммуникативное пространство как номинация человека, «прославившегося чем-либо; знаменитости». Теперь много и охотно говорят о *восходящих, мировых, новых звездах* [Горбачевич, Хабло 1979: 163]. При этом *звезда* перестала символизировать «высокие человеческие качества» (А. Д. Магомедов) и стремления. Каждая из обозначенных в исследовательском поле тенденций заслуживает внимания.

Звездопад в одноименной повести В. Астафьева

Время, когда многие из обозначенных выше тенденций уже проявились достаточно отчетливо, усиливались, деформировались с наступлением космической эры, давшей толчок для более позднего обновления звездного культа в русской поэзии [Дутбаева 2019], совпало с ранним периодом творческой эволюции Астафьева. Судя по его собственному признанию, звездный культ изначально ассоциировался с сакральным для него топосом *света*, получившим наиболее полное оформление при завершении литературной биографии. В предисловии к полному собранию сочинений, изданному в 1997 году, он написал: «*Бог есть свет пресветлый. Даже самые беспощадные полководцы щадили звездочетов*» [Астафьев 1997, т. 1: 49]. В этом признании зафиксировано появившееся в самом начале творческого пути ассоциативное «совпадение» в топосе *света* образов Бога и звездного неба, открывающего свои тайны избранным, посвященным – *звездочетам*.

Астафьевский топос *света* на разных этапах творческой эволюции художника получил множественное текстовое воплощение. Изначальный, установочный вариант – описание «сибирского цветка – жарка, похожего на яркий уголь» в рассказе «Сибиряк» (1951). Финальный был предъявлен в «попытке исповеди» «Из тихого света», заключающей блок художественных текстов в последнем прижизненном собрании сочинений. К этому произведению, судя по его истории и отведенному ему месту, сам прозаик относился не менее трепетно, чем к «сокровенной повести» «Пастух и пастушка». Работал над «исповедью» с 1961 года, опубликовал только единожды – в 1997. Текст во всех трех вариантах представлял собой воспоминание-размышление о мистическом видении – встрече с неизвестной, так и неузнанной девочкой-ангелом, ответственной не за физическое существование героя, но за сохранение его духовного начала – *света*, оберегающего человека от соблазна животного существования. Появление и названия, и жанрового определения, которое, как известно, для Астафьева всегда имело огромное значение, можно рассматривать в качестве окончательного осознания повествователем собственной сверхзадачи – возвращение к «свету» как восстановление утраченной за долгую и многотрудную земную жизнь душевной гармонии, открытие, овеществление, антропологизация единственного необходимого источника древней всеобщей жизни.

Богатство и разнообразие художественных концептов, представляющих в астафьевских худо-

жественных текстах ассоциативное поле *света* – предмет особого разговора, вести который надо с упоминанием и *огоньков* на Васюткином озере, похожих на *далекие звездочки* (с. 174) (рассказ «Васюткино озеро»), и *звезд далеких* из рассказа «Арии Каварадосси». С нашей точки зрения, в этом ряду особое место занимает первый вариант сюжетного доминирования художественного концепта, ассоциирующегося со светом, в автобиографической повести о первой любви «Звездопад» (1960–1972). В повести одна из ключевых номинаций концепта выносится в заголовок. Для Астафьева это не менее серьезный и значительный творческий жест, чем жанровое обозначение, которое он всегда расценивал как обозначение целеполагания. В анкете, посвященной 30-летию Победы, он отмечал: «Писатель за своим названием может открыть огромные пласты жизни, высказать серьезную мысль» [Вологодские затеси Виктора Астафьева 2004]. В «Звездопаде» это была мучившая художника всю жизнь мысль о войне как о «событии грандиозном» [Астафьев 1997, т. 1: 49], сопровождавшаяся «боязнью романтизации военного материала» [Астафьев 1997, т. 2: 512]. Одним из определяющих инструментов реализации глобального замысла становится «индивидуально-авторское» (М. Н. Пирогова) наполнение популярного концепта, который в читательском сознании соотносится с образом из романтического литературного дискурса – с образом *звездопада*.

Авторы «Современного толкового словаря русского языка» утверждают: «Звездопад – обильное падение метеоритов» [Современный толковый словарь русского языка 2006: 224], «тел космического происхождения, упавших на Землю из межпланетного пространства» [там же: 376]. У Астафьева не метеориты, а звезды, что отмечала А. Ю. Большакова. И его звезды не падают, а *улетают куда-то* [Большакова 2022], т. е. демонстрируется принципиально иное направление движения – высоко и далеко в небо, почти как в стихотворении Е. Евтушенко о «белых снегах», идущих *в небо с земли* (стихотворение «Идут белые снеги...» (1965).

Не менее очевидно Астафьев трансформирует понятийное содержание художественного концепта. В кульминационном описании звездного неба звезды одушевлены: «*ровно светились солидные, спелые звезды, а за ними мерцали, перемигивались, застенчиво прятались одна за другую звезды, звездочки, звездочки*» [Астафьев 1997, т. 2: 234]. Такое впечатление, что в этот момент звезды пытаются выстроиться так, чтобы над влюбленными оказалась их *звездушка*. Немедленно вспоминается выражение «звезды так встали», связанное с древним поверьем о влиянии перемещения небесных светил на судьбы мира и человека. При этом главные герои повести Миша и Лида, наблюдая «звездные» варианты вполне человеческих взаимоотношений, не думают об участии Бога или ангелов в организации удивительного свечения. Надежду на спасительную для человека связь его судьбы со звездой оживляет влюбленная девушка: «*Может и наша звездочка там есть, Миша? <...> И прошу тебя все-*

таки загадать со мной вместе звездочку» [Астафьев 1997, т. 2: 234–235]. Так именно Лида («*душонка-распашонка*») «расширяет» мир, в котором есть она и ее любимый человек, за пределы войны, за пределы Земли, до звезды. В результате художественный концепт *звезда* превращается в инструмент преодоления военной тьмы, в ключевой инструмент презентации топоса *света*. Чувство Лиды направлено на создание пространства их общей жизни, а мать девушки подсказывает Мише, как не навредить влюбленной девочке в ее созидательных стремлениях. И он все понял, несмотря на сопротивление разума, сработала логика чувства, интуиция, подчиненная родовой и общенациональной памяти, пробудившая чувство ответственности за будущее любимого человека. Астафьев показывает, как его герои, преодолевая собственное сопротивление, время и реальное пространство, в котором они существуют, по сути, достраивают себя «до звезды».

Уникальность, значительность их истории очевидна при сравнении с историей героев известной автобиографической повести Б. Балтера «До свидания, мальчики» (1962). Произведение Б. Балтера о предвоенных событиях, но тоже посвящено первой любви. Балтеровские Володя и Инка чуть младше Миши – им по восемнадцать и также предстоит расставание. В ожидании расставания они делают принципиально иной выбор – идут на *нарушение общих правил*, которые перед разлукой кажутся им совсем не значительными [Балтер. URL], и расплачиваются чувством неловкости, стыда и окончательным прощанием. Герой Балтера – молодой человек, воля которого подчинена его собственным желаниям (*все в нем торопилось* [Балтер. URL]), ограничена, по его собственному признанию, только воинским приказом (в последующей жизни он будет *личные желания приносить в жертву требованиям службы* [Балтер. URL]). Только однажды он обратит внимание на звездное небо, но появление звезды для него – обозначение времени суток, не более.

Астафьев вроде бы в полном соответствии с литературной традицией включает звездопад в ассоциативное поле любви, превращает звезды в символ небесного покровительства высокого чувства. И заявляет об этом в комментарии: повесть «*о любви. Только о любви*» [Астафьев 1997, т. 2: 271]. Однако в «Словаре эпитетов русского литературного языка» [Горбачевич, Хабло 1979: 161] приведены следующие семантические группы «звездных» эпитетов, созданные русскими поэтами, воспевавшими любовь:

алмазная, белая, бледная, большая, гаснущая, голубая, горячая, громадная, дрожащая, жемчужная, зеленая, золотая, изумрудная, крупная, лучистая, малая, мелкие (мн.), мерцающая, мигающая, мутная, огромная, потухшая, прозрачная, сверкающая, светлая, светозарная (устар., поэтич.), синяя, сияющая, серебручистая (устар.), тусклая, холодная, хрустальная, чистая, яркая, ясная. Очевидно, что фиксируются, как утверждают авторы словаря, «величина, цвет, яркость; характер свечения» звезды как небесного

тела. Текстовых источников, использованных при создании этой словарной статьи, – десятки. Астафьев же не повторяет никого из своих предшественников, и себя не повторяет. Звездопад изображается им дважды. В кульминационный момент взаимоотношений героев, в момент их абсолютного счастья им светят звезды. Те самые *звездочки, звездушки (солидные, спелые, бессонные, добрые)*. И уже в этом первом, установочном для презентации художественного концепта текстовом фрагменте появляются нюансы, которые художественную картину мира усложняют, выводят ее из-под влияния романтического стереотипа. *Бессонные, добрые звезды* видели первые в жизни влюбленных поцелуи [Астафьев 1997, т. 2: 234]. И при их свидетельстве и участии происходит чудо: уличная темнота утрачивает свою силу, отступает *кубанская маляринная мокреть* [там же: 235], ледышки начинают превращаться в *гаснущие звездочки*. Грудь героя согревает дыхание любимой – *И хорошо, так хорошо мне было <...> И плавать мне было на все на свете* [там же: 235]. Звезды разрушают границы между сакральным и обыденным, выводят девятнадцатилетнего фронтовика за линию «огня», на которую раненые бесконечно возвращаются в госпитальном бреду, выводят в зону природного света из темноты, которую не в силах были разрушить единственная во всем госпитале электрическая лампочка, керосиновые коридорные лампы с разбитыми стеклами, слабые свечи.

Астафьев восстанавливает тысячелетнюю веру наших предков – славян-язычников в то, что небесные светильники были созданы для борьбы с *темнотой* [Афанасьев 1996: 238] вместе с солнцем и луной в тот момент, когда солнце как источник света и тепла бессильно. Уже здесь писатель включает звездопад в развернутую сюжетобразующую антитезу, которую будет разрабатывать всю жизнь: *свет – тьма*, в ассоциативном поле которой неистребимая и госпитальная *темнота*, и *кубанская маляринная мокреть* [Астафьев 1997, т. 2: 235], и военные *боль и горе* [там же: 230], убившие веру в любовь и будущее в сердце матери Лиды.

Горькое материнское предостережение прозвучало в тот момент, когда Мише удалось на один вечер вырваться из темноты, вырваться к Лиде, необходимость которой он ощущает как *воздух, как утро, как день* [Астафьев 1997, т. 2: 231]. До появления в его судьбе Лиды девятнадцатилетнего солдата, бывшего детдомовца Мишу поддерживал только человек «*неистребимый*» Рюрик [там же: 204].

Первому робкому, нежному чувству не суждено было состояться формально. Герои больше никогда не встретятся в реальной жизни. Однако в финале появляются новые «эмоционально-сущностные» детали [Шаховский 2008: 277], в которых восстанавливается уверенность в чудесной, животворящей энергии единственного свидания. Они больше никогда не встретятся и больше никогда не расстанутся: *счастье есть и сама память о любви, тоска по ней и раздумья о том, что где-то есть человек, тоже о тебе думающий* [Астафьев 1997, т. 2: 258]. Заключительный «звездный» пейзаж – символический об-

раз главного события, главной встречи в жизни героя, осветившей всю его последующую жизнь. Интересно, что образ-воспоминание у Астафьева не монументальный, живой. Эти *звезды* не светят, они находятся в непрерывном движении: вспыхивают, гаснут, улетают.

Если сравнить детали, то не обнаружится ничего общего ни с первым пейзажем, ни со стереотипным изображением звездпада. Звездный свет становится *ярким*, превращается в воплощение светоносной стихии, ассоциирующейся с *производительным* чувством любви, первой взаимной любви. И для повествователя важно, что, вопреки поверьям, *вспыхнувшие* звезды не исчезают в бездонной космической пустоте, а *улетают куда-то* [Астафьев 1997, т. 2: 258]. Улетают в вечность. Во втором «звездном» фрагменте меняется и эмоциональный настрой повествователя. Под влиянием новой повествовательной интонации меняется смысловая структура художественного концепта *звезда*. В усложнение, развитее тех смыслов, которые обеспечиваются лексической формой повествования, обладатель тонкого музыкального слуха, блестящий мастер звукописи В. Астафьев создает особый повествовательный ритм, звукообраз изображаемого пространства. Нагнетание, многократное вариативное повторение звука *а*, почти по Ломоносову, способствует возникновению образа вечного, неподвластного человеку «великого пространства, глубины и вышины» [М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика 2008: 11]. В поддержание *все еще сияющего света потухшей звезды* возникает воспоминание о пушкинской *светлой* печали. Эта ассоциация важная, потому что пушкинский образ «достраивает» астафьевский топос *света*, свидетельствует о том, что Лида и Миша вписали себя в вечное пространство. Мишина жертва помогла ему победить несовершенство мира. Свет любви, долетающий через десятилетия, дает возможность герою осознать себя «малой частицей мира, огромного и вечно живущего» (И. Бунин. Освобождение Толстого).

Так Астафьев максимально приближается к генеральному для него глобальному образу войны как конечного, эсхатологического противостояния жизни и смерти, света и тьмы. К постижению сути этого противостояния Астафьев через «Пастуха и пастушку» будет идти всю жизнь и на разных этапах оценивать его по-разному [Богданова, Цветова 2023]. Видимо, в момент работы над «Звездопадом» это противостояние покажется ему цивилизационным. Неслучайно Лида принесет в госпиталь роман А. Ширванзаде «Хаос» (1898) – роман о судьбе любви в страшном мире. С армянским классиком, наверное, согласилась бы мать Лиды, которая напоминанием о жестокой правде военной жизни поколебала уверенность Миши в будущем. Именно поэтому он сердится в ответ на просьбу Лиды загадать вместе с ней желание при свете падающей звезды.

Однако в *госпитальной бивальщине* [Астафьев 1997, т. 1: 535], как позже определял жанр «Звездопад» сам писатель, ему удалось найти *точную то-*

нальность для выражения *тоски по любви вечной* [там же: 584] как единственному в условиях военного одиночества источнику света, питающему душевные силы человека. И хотя об автобиографичности сюжета «Звздопада» Астафьев высказывался не однажды, следуя жанровому целеполаганию, он не делает ожидаемого упора на личное свидетельство.

В «Попытке исповеди» писательский поиск не увенчался созданием завершенной художественной формы. Будет уточнено представление о главном для прожившего многотрудную жизнь человека источнике света – очистительной, избирательной памяти, оживившей врачующие душу воспоминания. Связь со сверхзадачей «Звздопада» очевидна. Как светоносные стихии памяти будут провозглашены не только небесное пространство, но и вода – праматерь всего сущего на земле. И опять не случайно, потому что в мифических представлениях вода действительно сближалась со светом. В этом ассоциативном ряду не менее естественно, логично для народного сознания у Астафьева возникнут воспоминания о матери. По мнению исследователей, концепт «мать» также традиционно ассоциируется с водой, воздухом. Для Астафьева мать, которую он не помнил и увидел восьмилетней на фотокарточке уже будучи пожилым человеком, больше, чем женщина, которая родила, это человек близкий, родной, святой, поэтому на мать-девочку похож его «дух».

Так из соотнесенности света, духа с образом матери в позднем тексте возникает мотивация для прямого соотнесения света со святостью. Это первый «материальный», внешний знак соотносимости, ассоциативности, если не тождественности древнерусских синонимов «свет» (светить) и «свят» (святить) (от санскр. Div – светить, блистать, играть лучами образовались греч. и лат. дец – бог) [Алексеенко 2005: 416].

В «Попытке исповеди» ассоциативный ряд разветвляется, вбирая всю сложность народно-христианской, народно-православной картины мира. Во второй части он усиливается полуфантастическим образом неизвестной девочки – символическим воплощением общеславянского представления о человеческой чистоте [Кабакова 1999: 34]. И опять же ментально мотивированно, потому что еще А. Афанасьев писал, что в старой славянской традиции «боги света были олицетворяемы фантазией в прекрасных и большею частью в юных образах, с ними связывались идеи о высшей справедливости и благе» [Афанасьев 1994: 52].

В конце жизни Астафьев уже сознательно будет развивать эту повествовательную линию, на которую он интуитивно вышел в попытках осмысления войны. И война предстанет в его поздней прозе как последнее Божественное допущение, направленное на сохранение жизни. Как известно, первым Божественным деянием на земле было отделение света от тьмы, жизни от смерти. В случае Астафьева осознанное стремление к свету окончательно оформляется к концу жизни, превращается в поиск источника энергии для жизни духа, который он пытается соотнести со «светом незримым».

Эта энергия «источает силу своего Света (Благодати) только на тех, кто сам стремится к нему, предохраняя его не потемненным инстинктом своим», – утверждал известный в начале XX века религиозный философ, писатель М. В. Лодыженский во втором томе «Мистической трилогии» (Петроград, 2015), посвященном божественной мистике и сверхсознанию [Лодыженский 2020: 291]. Астафьев в «Попытке исповеди» отразил возникновение в человеке сердечного стремления к Богу.

Выводы

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что уже в ранних произведениях В. Астафьева художественный концепт *звезда* находился в ассоциативном поле топоса *света* и постоянно усложнялся. Динамика смыслового наполнения концепта в повести «Звздопад» отражала характер творческой эволюции писателя, изначально подчиненной пульсированию родовой и общенациональной памяти. Как показывает движение от «Звздопада» к «Попытке исповеди», в первые годы писательства из источника, открытого в «Последнем поклоне» (1966), им черпались силы для понимания, приятия, оправдания, защиты людского племени перед лицом матери-природы. Ранние военные произведения Астафьева – напоминание изувелившимся людям о жизненной потребности в любви. Целостный, органичный сюжет «Звздопада» создавался человеком, преодолевающим темноту, включившимся в движение к звездам как к символу высочайшей, вечной, космической гармонии.

В поздний период, во время создания последних вариантов «сокровенной повести» «Пастух и пастушка» и «Попытки исповеди» «Из тихого света», на формирование художественной философии писателя оказывают мощное влияние иные факторы. Во-первых, трагические события последних лет его жизни, самым страшным из которых стала смерть дочери. Во-вторых, судя по некоторым документам из фонда Астафьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), ближайшее окружение активно стремилось развивать православное мировоззрение, мироощущение писателя. Главное свидетельство тому – хранящиеся в архивном собрании среди черновиков написанные чужой рукой тексты православных молитв. В-третьих, на мировоззрение писателя влияли изменения, происходящие в общественном сознании, подогревавшие протест писателя против советского периода российской истории, в чем легко убедиться, анализируя смысл публицистических вставок в последний вариант «Пастуха и пастушки».

Незавершенная «Попытка исповеди» свидетельствует, что по многим причинам Астафьеву так и не удалось в конце жизненного пути приблизиться к обретению Благодати. Изменение смысловой структуры топоса *света* на последнем этапе земного пути становится во многих проявлениях эпохальным, рациональным, надрывным. С одной стороны, родовая память по-прежнему не оставляла писателя и также направляла духовный поиск в

естественное для его души православное, христианское русло, великая скорбь утраты любимого человека обратила душу к Богу, требовала исповеди и покаяния, отважного самоосуждения, дающих право на молитву, на просьбу о будущем для своих близких, для всех нас. «Из тихого света» – бесспорное доказательство тому, что Астафьев почувствовал надобность, необходимость веры, несмотря на неприятие, как он сам часто говорил, «неуместного религиозного рвения». Преодолевая вполне соответствующую его характеру проповедническую позицию, он вступил на многотрудный путь к исповеди, задумавшись о необходимости покаяния, все же открыл для себя путь к «тихому свету», одним из истоков которого можно считать образ «Свете Тихий» из православной вечерней молитвы. Но времени и сил на обретение Благодати в понимании святых отцов, считавших, что неизменным условием присутствия Благодати Божией в человеке является его глубокая вера, выраженная в покаянии и смирении, уже не остава-

лось. Под давлением многих причин человек-звезда уходил из этого мира как странник, уклонившийся от изначального движения. Горестное признание окончательной победы *тьмы* в финале «Пастуха и пастушки» (*Над миром властвует смерть!*) стало обобщающим, окончательным. В «попытке исповеди» Астафьев попытался опровергнуть эту трагическую констатацию. Но логика рассуждения в данном случае оказалась не в состоянии обеспечить «собрание себя» (метафора Г. Померанца).

Думается, этот вывод может быть использован при разработке современных академических и школьного курса «История русской литературы XX века», важен для создания современной историко-литературной концепции. Однако основная сфера возможного применения наших наблюдений – специальные учебные курсы, посвященные творческой индивидуальности писателя, художественной философии русского литературного традиционализма второй половины прошлого столетия.

Литература

- Алексеевко, М. Концепт «мать» в синхронной динамике / М. Алексеевко // Грани слова. – М. : Эллис, 2005. – С. 415–422.
- Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : Офсет, 1997.
- Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3-х т. (Репринт издания 1865 г. с исправлениями) / А. Н. Афанасьев. – М. : Индрик, 1994. – Т. 1. – 788 с.
- Афанасьев, А. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / А. Афанасьев. – М. : Индрик, 1996. – 640 с.
- Бакирова, А. А. Символические признаки концепта «звезда» в современной русской поэзии / А. А. Бакирова, М. В. Пименова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2020. – № 1(44). – С. 152–159.
- Балтер, Б. До свидания, мальчики / Б. Балтер. – URL: <http://evpatoria-history.info/biblioteka/knigi/b-balter-troe-is-odnogo-goroda.pdf> (дата обращения: 16.03.2024). – Текст : электронный.
- Бобкова, Ю. Г. Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (на материале цикла «Затеси») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бобкова Ю. Г. – Пермь, 2007. – 23 с.
- Богданова, О. В. Эпох скрещение... Русская проза 1960-х – 2020-х годов / О. В. Богданова, Н. С. Цветова. – СПб. : Алетейя, 2023. – 374 с.
- Большакова, А. Ю. Гори, звезда моя, не падай: роль символа в деревенской и военной прозе XX века / А. Ю. Большакова // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2022. – № 2. – С. 4–7.
- Вологодские затеси Виктора Астафьева. Материалы к творческой биографии писателя. – Вологда : Книжное наследие, 2004. – 838 с.
- Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л. : ЛО «Наука», 1979. – 568 с.
- Дутбаева, С. С. Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х годов XX века / С. С. Дутбаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – № 21(4). – С. 1095–1104.
- Желтухина, М. Р. Индивидуально-авторские концепты «любовь» и «самопожертвование» в творчестве В. П. Астафьева (на примере повести «Так хочется жить») / М. Р. Желтухина, О. А. Михайлушкина // Известия ВГПУ. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 8(62), ч. 2. – С. 78–80.
- Кабакова, Г. И. Девочка / Г. И. Кабакова // Славянские древности : в 5 т. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 34–35.
- Красовская, Н. В. Художественный концепт: методы и приемы исследования / Н. В. Красовская // Известия Саратовского университета. Серия Филология, журналистика. – 2009. – Т. 9, вып. 4. – С. 21–25.
- Колесов, В. В. Основы концептологии / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 2019. – 776 с.
- Лодыженский, М. В. Мистическая трилогия : в 3 т. / М. В. Лодыженский. – М. : Magic-Kniga, 2020. – Т. 2. – 330 с.
- М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика. – М. : Флинта-Наука, 2008. – 352 с.
- Магомедов, А. Д. Образы звезд как символы Родины и высоких человеческих качеств в ранних произведениях Р. Гамзатова / А. Д. Магомедов // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН. – 2023. – № 3. – С. 17–21.

Матанцева, М. Б. Особенности репрезентации эмоционального концепта «Страх» в тексте военного романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» / М. Б. Матанцева, Е. А. Парфенова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – Вып. 1. – С. 27–33.

Миллер, Л. В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира. На материале русской литературы : дис. ... д-ра филол. наук / Миллер Л. В. – СПб., 2004. – 303 с.

Михайлушкина, О. А. Вербализация концептов «жестокость», «приспособленчество», «самопожертвование» (на материале рассказа «Пролетный гусь») / О. А. Михайлушкина // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология, Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 4. – С. 105–111.

Осипова, А. А. Принципы создания словаря концептосферы В. П. Астафьева / А. А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 887–894.

Осипова, А. А. Этот свет и тот свет в картине мира В. П. Астафьева (к образным вербализаторам концептов «жизнь» и «смерть») / А. А. Осипова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 1. – С. 260–263.

Осипова, А. А. Языковые репрезентанты концепта «рыбалка» в художественной картине мира В. П. Астафьева / А. А. Осипова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 4(42). – С. 363–372.

Пименова, М. В. Образные признаки концепта «звезда» / М. В. Пименова, А. А. Бакирова // Язык и текст. – СПб. : Ин-т иностранных языков, 2015. – Вып. 6. – С. 49–55.

Пирогова, М. Н. Концепт «звезда» в русском фольклоре и литературе (на материале текстов заговорно-заклинательной поэзии и произведений И. А. Бунина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пирогова М. Н. – Ульяновск, 2011. – 28 с.

Ревенко, И. В. Интенсивные единицы как средства вербализации концепта «любовь» в военной прозе В. П. Астафьева (прототипические и индивидуально-содержательные признаки концепта) / И. В. Ревенко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2008. – Вып. 2(8). – С. 104–110.

Современный толковый словарь русского языка. – СПб. : Норинт, 2006. – 960 с.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Цветова, Н. С. Русская литературная эсхатология. Век XX. Эсхатологические идеи прозаиков-традиционалистов / Н. С. Цветова. – Lambert : Academic Publishing, 2012. – 241 с.

Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

References

Afanasyev, A. (1996). *Proiskhozhdenie mifa. Stat'i po fol'kloru, etnografii i mifologii* [The Origin of the Myth. Articles on Folklore, Ethnography and Mythology]. Moscow, Indrik. 640 p.

Afanasyev, A. N. (1994). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3-kh t.* [The Poetic Views of the Slavs on Nature, in 3 vols.] Moscow, Indrik. Vol. 1. 788 p.

Alekseenko, M. (2005). Kontsept «mat'» v sinkhronnoi dinamike [The Concept of “Mother” in Synchronous Dynamics]. In *Grani slova*. Moscow, Elpis, pp. 415–422.

Astafyev, V. P. (1997). *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works, in 15 vols.] Krasnoyarsk, Ofset.

Bakirova, A. A., Pimenova, M. V. (2020). Simvolicheskie priznaki kontseptov «zvezda» v sovremennoi russkoi poezii [Symbolic Signs of the Concept of “Star” in Modern Poetry]. In *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. No. 1(44), pp. 152–159.

Balter, B. *Do svidaniya, mal'chiki* [Goodbye, Boys!]. URL: <http://evpatoria-history.info/biblioteka/knigi/b-balter-troe-is-odnogo-goroda.pdf> (mode of access: 16.03.2024).

Bobkova, Yu. G. (2007). *Kontsept i sposoby ego aktualizatsii v idiostile V. P. Astafieva (na materiale tsikla «Zatesi»)* [The Concept and Ways of Its Actualization in the Idiostyle of V. P. Astafiev (Based on the Material of the “Zatesi” Cycle)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Perm. 23 p.

Bogdanova, O. V., Tsvetova, N. S. (2023). *Epokh skreshchenie... Russkaya proza 1960-kh – 2020-kh godov* [Epochs of Crossing... Russian Prose 1960s – 2020s]. Saint Petersburg, Aleteiya. 374 p.

Bolshakova, A. Yu. (2022). Gori, zvezda moy, ne padai: rol' simvola v derevenskoi i voennoi proze XX veka [Burn, Burn, My Star! The Role of the Symbol in the Village and Military Prose of the 20th Century]. In *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 2, pp. 4–7.

Dutbaeva, S. S. (2019). Lingvokul'turologicheskie osobennosti obrazov nebesnogo mira v russkoi poezii 90-kh godov XX veka [Linguistic and Cultural Features of Images of the Heavenly World in Russian Poetry of the 90s of the 20th Century]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 21(4), pp. 1095–1104.

Gorbachevich, K. S., Khablo, E. P. (1979). *Slovar' epitetoov russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language]. Leningrad, LO «Nauka». 568 p.

Kabakova, G. I. (1999). Devochka [Girl]. In *Slavyanskije drevnosti: v 5 t.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 2, pp. 34–35.

Kolesov, V. V. (2019). *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. Saint Petersburg, Zlatoust. 776 p.

Krasovskaya, N. V. (2009). Khudozhestvennyi kontsept: metody i priemy issledovaniya [Artistic Concept: Research Methods and Techniques]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya, zhurnalistika*. Vol. 9. Issue 4, pp. 21–25.

“AND THE WAR NEVER STOPS IN ME, SHAKING MY TIRED SOUL”:
TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V. P. ASTAFIEV

- Lodyzhensky, M. V. (2020). *Misticheskaya trilogiya: v 3 t.* [The Mystical Trilogy, in 3 vols.]. Moscow, Magic-Kniga. Vol. 2. 330 p.
- M. V. Lomonosov i sovremennye stilistika i ritorika [M. V. Lomonosov and Modern Stylistics and Rhetoric]. (2008). Moscow, Flinta-Nauka. 352 p.
- Magomedov, A. D. (2023). Obrazy zvezd kak simvol'y Rodiny i vysokikh chelovecheskikh kachestv v rannikh proizvedeniyakh R. Gamzatova [The Image of a Star as a Symbol of the Motherland and High Human Qualities in the Early Poetry of R. Gamzatov]. In *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy DFITs RAN*. No. 3, pp. 17–21.
- Matantseva, M. B., Parfenova, E. A. (2016). Osobennosti reprezentatsii emotsional'nogo kontsepta «Strakh» v tekste voennogo romana V. P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity» [Features of the Presentation of the Emotional Concept of “Fear” in the Text of V. Astafiev's Military Novel “Cursed and Killed”]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Issue 1, pp. 27–33.
- Mikhaylushkina, O. A. (2015). Verbalizatsiya kontseptov «zhestokost'», «prisposoblenchestvo», «samopozhertvovanie» (na materiale rasskaza «Proletnyi gus'») [Verbalization of the Concepts of “Cruelty”, “Adaptability”, “Self-sacrifice” (Based on the Material of V. Astafiev's Short Story “The Flying Goose”). In *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya MGU. Filologiya, Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*. No. 4, pp. 105–111.
- Miller, L. V. (2004). *Lingvokognitivnye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoi kartiny mira. Na materiale russkoi literatury* [Linguistic and Cognitive Mechanisms for the Formation of an Artistic Picture of the World. Based on Russian Literature]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg. 303 p.
- Osipova, A. A. (2009). Printsipy sozdaniya slovyara kontseptosfery V. P. Astaf'eva [Principles of Creating a Dictionary of the Conceptual Sphere]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. No. 2(24), pp. 887–894.
- Osipova, A. A. (2012). Etot svet i tot svet v kartine mira V. P. Astaf'eva (k obraznym verbalizatoram kontseptov «zhizn'» i «smert'») [This Light and That Light in the Picture of the World by V. P. Astafiev (to the Figurative Verbalizers of the Concepts “Life” and “Death”). In *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. No. 1, pp. 260–263.
- Osipova, A. A. (2013). Yazykovye reprezentanty kontsepta «rybalka» v khudozhestvennoi kartine mira V. P. Astaf'eva [Linguistic Representatives of the Concept of “Fishing” in the Artistic Picture of the World by V. P. Astafiev]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. No. 4(42), pp. 363–372.
- Pimenova, M. V., Bakirova, A. A. (2015). Obraznye priznaki kontsepta «zvezda» [Figurative Features of the “Star” Concept]. In *Yazyk i tekst*. Saint Petersburg, Institut inostrannykh yazykov. Issue 6, pp. 49–55.
- Pirogova, M. N. (2011). *Kontsept «zvezda» v russkom fol'klоре i literature (na materiale tekstov zagovorno-zaklinatel'noi poezii i proizvedenii I. A. Bunina)* [The Concept of “Star” in Russian Folklore and Literature (Based on the Texts of Spell-Spell Poetry and Works by I. A. Bunin)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ulyanovsk. 28 p.
- Revenko, I. V. (2008). Intensivnye edinitsy kak sredstva verbalizatsii kontsepta «lyubov'» v voennoi proze V. P. Astaf'eva (prototipicheskie i individual'no-soderzhatel'nye priznaki kontsepta) [Intensive Units as a Means of Verbalization of the Concept of “Love” in V. Astafiev's Military Prose (Prototypical and Individually Meaningful Features of the Concept)]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*. Issue 2(8), pp. 104–110.
- Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis. 416 p.
- Sovremenniyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. (2006). Saint Petersburg, Norint. 960 p.
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 824 p.
- Tsvetova, N. S. (2012). *Russkaya literaturnaya eskhatologiya. Vek XX. Eskhatologicheskie idei prozaikov-traditsionalistov* [Russian Literary Eschatology. The 20th Century. Eschatological Ideas of the Traditionalist Prose Writers]. Lambert, Academic Publishing. 241 p.
- Vologodskie zatesi Viktora Astaf'eva. Materialy k tvorcheskoi biografii pisatelya* [Vologda Ventures of Viktor Astafiev. Materials for the Creative Biography of the Writer]. (2004). Vologda, Knizhnoe nasledie. 838 p.
- Zheltukhina, M. R., Mikhaylushkina, O. A. (2016). Individual'no-avtorskie kontsepty «lyubov'» i «samopozhertvovanie» v tvorchestve V. P. Astaf'eva (na primere povesti «Tak khochetsya zhit'») [The Individual Author's Concepts of “Love” and “Self-sacrifice” in the Works of V. Astafiev (Using the Example of the Story “So I Want to Live”). In *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 8(62). Part 2, pp. 78–80.

Данные об авторе

Цветова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).
Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
E-mail: cvetova@mail.ru.

Author's information

Tsvetova Natalia Sergeevna – Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).